

ДИСКУРСИВНЫЙ СТИЛЬ ПОЛИТИКИ: ФАКТОР ГЛОБАЛИЗАЦИИ³

Мухарямов Наиль Мидхатович, доктор политических наук, профессор

Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
E-mail: n.mukharyamov@yandex.ru

В статье анализируются некоторые ключевые аспекты, связанные с воздействием глобализации на языковую среду современной российской политики. Основной задачей предпринимаемого исследования становятся выявление предметных характеристик взаимосвязанного комплекса «язык – политика – глобализация». В качестве коммуникативно обусловленного явления глобализация описывается во многом метафорически с точки зрения «потоков» – материальных, финансовых, технологических, человеческих, информационных, символических. Исходная проблема концептуализации применительно к теме «язык и глобализация» заключается в том, чтобы ответить на вопрос: что в данном случае включают себя эти «потоки»? Языки сами по себе в силу очевидных причин не могут произвольно перемещаться в пространстве и времени. Имеющиеся в научной литературе методологические реперии фокусируются на различных способах идентификации. Это и традиционный социологический анализ международных языковых ситуаций с точки зрения «социолингвистики распространения», и парадигма лингвистической экологии с выявлением угроз этнокультурному многообразию со стороны «лингвистического неоимпериализма», и фокус на дискурсивных и образно-символических «потоках», а также на «социолингвистике мобильности» и доступности коммуникативных ресурсов. Применительно к языку политики воздействие глобализирующих факторов происходит как по линии широкого заимствования лексики и обновления словаря, так и по направлению формирования новых дискурсивных стилей. Одной из моделей, которая выявляется в рамках дискурсивной стилистики (в отличие от традиционной функциональной стилистики), является менеджерская модель.

Ключевые слова: глобализация, язык, лексика, политика, функциональный стиль, дискурсивный стиль

DISCURSIVE STYLE IN POLITICS: FACTOR OF GLOBALIZATION

Mukharyamov Nail Midkhatovich, D.Sc. (Political Sciences), Professor

Kazan (Volga Region) State University
18 Kremlevskaya st., Kazan, 420008, Russian Federation
E-mail: n.mukharyamov@yandex.ru

The article is analyzing some key aspects in interlinking globalization on the one hand and linguistic environment of the contemporary Russian politics – on the other hand. The main tasks of the developed research re formulated for revealing subject characteristics in intercommunication within the problematized field “language – politics – globalization”. As the communicatively determined phenomenon globalization can be described – mostly metaphorically – from the viewpoint of “flows”. They are including material, financial, technological, human, informational and symbolical ones. The basic problem of conceptualization concerning the theme of “language and globalization” consists in meeting the question: what is maintenance of this “flow” in the given case. It is clear enough that languages as such - dew to many causes - cannot be transferred at will in a space and time. Methodological solutions as presented in scientific literature are focused to different modes of identification. This is for instance the traditional sociological analysis of international linguistic situations in different scales or the “sociolinguistics of distribution”; also it could be a paradigm of language ecology which is defining threatens toward ethno cultural diversity from the “linguistic neo-imperialism”; it may be ascent on discursive and symbolic “flows” and also – “sociolinguistics of mobility” and availability of communication resources. In conformity with

---

³ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант 13-03-00334а.

language of politics the impact of globalizing factors is taking place through wide lexical borrowings and renovation of vocabulary on the one hand, and alongside of emerging of new discursive styles. One of the models of that kind which is explored in the contexts of discursive stylistics (as different from traditional functional stylistics) is managerial one.

Keywords: globalization, language, lexis, politics, functional stylistics, discursive stylistics

Соотнесение глобализации и языка как предмет теоретического освоения – от-носительно недавнее исследовательское начинание (иногда датируемое первыми го-дами XXI века), получившее, несмотря ни на что, по-своему амбициозное наимено-вание в качестве «глобализационной лингвистики» или «лингвоглобалистики». При-менительно к последней, как отмечается, «взаимосвязь языка и глобализации в оте-чественной лингвистике в отечественной лингвистике сегодня подвергается интен-сивному научному осмыслению» [9]. Характерно, что настоящий академический ра-курс образуется за счет исследовательского внимания, направленного по линии «лингвистика – глобализация», когда научный интерес фокусируется на языковых измерениях глобальных феноменов. Очевидно что, этим не исчерпывается взаимная направленность обоих онтологических комплексов, с достаточной условностью и с высокой степенью абстрагирования обозначаемых как «глобализация», с одной сто-роны, и «язык», с другой стороны.

Распространенная процедура сопряжения многообразных сторон языковой ре-альности с той или иной дефиницией глобализации (часто с понятными для лингвист-тики историко-этимологическими акцентами) – шаг, несомненно, правомерный. Од-нако при этом остается открытым вопрос о концептуальной релевантности приводи-мых дефиниций остается открытым.

Исследовательские задачи, связанные с предметными очертаниями в комплексе «язык – политика – глобализация», диктуют настоятельность кросс-дисциплинарного видения, во-первых, и взаимного внутреннего и многомерного со-присутствия всех предполагаемых к изучению начал – семантики, коммуникации, волевых и норма-тивно-регулятивных установлений, тенденций интеграции/деинтеграции в совре-менных миро-политических масштабах.

Слово «глобализация» как таковое чаще всего расценивается как расплывчатое, неточное, недостаточно внятное, подчас относимое к «обыденному политологиче-скому дискурсу» [3].

Собственно семантический статус слова «глобализация» по-прежнему остается неопределенным и сохраняет очевидную проблематичность. Как отмечает Георгий Дерлугян, «впервые это модное слово возникло в 1984 г. в редакционном коммента-рии в “Wall Street Journal” по поводу решения кабинета Маргарет Тэтчер, открывав-шего иностранным банкам прямой доступ на финансовый рынок лондонского Сити. Показательно, что до 1989 г. неологизм «глобализация» употреблялся только с при-лагательным «финансовая». ...Финансы – вещь эфемерная, подвижная и по натуре космополитичная. Однако оставим разговоры о наступлении постиндустриальной эпохи, сетевого общества, гибридизации и глобализации. Это все модные публици-стические поделки, которые хорошо продавались в те годы – но убейте, если они оз-начали что-то вразумительное» [5].

Согласно оценке М.В. Ильина – одного из авторитетных российских ученых в области политической концептологии, – использование словаря глобализации в оте-чественной лингвокультуре отмечено своими особенностями. «Можно предполо-жить, - пишет этот автор, что российское видение глобализации и равенства является специфическим по культурному и языковому параметрам. Слово «глобализация» на русском языке представляется своего рода техническим термином. Для большинства русских этот термин является социально абстрактным и лишенным какого-либо практического значения. Подобное может быть сказано по отношению ко многим другим современным терминам и значениям, например таким, как «демократизация», «легитимизация», и т.д.» [7].

Разнородные процессы и явления, обобщаемые понятием «глобализация», суммируются в научной литературе 90-х гг. в виде некоторых основных тенденций:

1. Объективное повышение проницаемости межгосударственных перегородок, выражающееся в феноменах «преодоления границ» и «экономического гражданства»;
2. Резкое возрастание объемов и интенсивности трансгосударственных, транснациональных потоков капиталов, информации, услуг и человеческих ресурсов;
3. Массированное распространение западных стандартов потребления, быта, само- и мировосприятия на все другие части планеты;
4. Усиление роли вне-, над-, транс- и просто не-государственных регуляторов мировой экономики и международных отношений;
5. Форсирование экспорта и вживления в политическую ткань разных стран мира тех или других вариаций модели демократического государственного устройства;
6. Формирование виртуального пространства электронно-коммуникационного общения, резко увеличивающего возможности для социализации личности. То есть для непосредственного приобщения индивида в пассивном или интерактивном качествах к общемировым информационным процессам, независимо от его местонахождения;
7. Возникновение и культивирование в сфере глобальных информационных сетей образа всеобщей ответственности и ответственности каждого индивида за чужие судьбы, проблемы, конфликты, состояние окружающей среды, политические и иные события в любых, возможно, даже не известных человеку уголках мира;
8. Наконец, возникновение «идеологии глобализации» как совокупности взаимозависимых постулатов, признанных обосновать одновременно и благо и неизбежность тенденций, «работающих» на объединение мира под руководством его цивилизованного центра, под которым так или иначе подразумеваются США и «группа семи».

«...Очевидно, «глобализация» – это не только то, что существует на самом деле, но и то, что людям предлагается думать и что они на самом деле думают по поводу происходящего и его перспектив» [3].

В построениях теоретического плана в центре внимания оказываются определенные абстрактные установления, содержащие претензию на фиксирование чего-то наподобие когнитивного «ядра» рассуждений о глобализации. Часто это происходит за счет метафорических приемов и инструментов. Некоторые из таких метафор имеют образную природу – к примеру «глобальная деревня». Другие из них – призваны отобразить наиболее зримые проявления происходящих перемен.

Не будет, вероятно, преувеличением, если предположить, что на первенствующую роль среди таких метафор с полными основаниями претендует понятие «потоки». Результатом видоизменяющейся пространственно-временной организации общемировых взаимодействий предлагается расценивать «межконтинентальные или межрегиональные потоки и структуры активности». Под «потоками» понимаются «перемещения физических артефактов, людей, символов, знаков и информации в пространстве и времени». Это – по-настоящему зримая, материализованная, не подлежащая любому идейно мотивированному игнорированию, онтологически воплощенная реальность наших дней, иными словами – форма, в которой явлена «мегатенденция к объединению человечества» [4].

Помимо «потоков» для осмысления реалий глобализирующегося мира используются и другие метафорические средства, служащие делу образного отображения происходящего. Критически оценивая схематизм господствующих представлений об унифицирующих тенденциях (с которыми чаще всего ассоциируются тривиальные подходы к теме), А. Д. Богатуров предлагает альтернативные интерпретации. «...распространение импульса по лучу – не единственный возможный тип связей в социальной и международной среде. Связи не обязательно должны быть жесткими, пронизывающими и лучевыми, они могут на деле оказываться мягкими, гибкими и опоясывающими. Значит, передаваемое через них воздействие не обязательно будет «вонзаться вглубь», а может растекаться по поверхности, вдоль внешних мембран

оболочек объекта – как оно и происходит в действительности. ...Внешние импульсы смогут воздействовать на внутренние структуры объектов, но не обязательно сумеют радикально изменить их, уподобляя источнику первичного импульса» [3].

Приведенные примеры метафорического освоения явлений, тенденций, социальных изменений, всего того, что охватывается обобщающим понятием «глобализация», выполняют важные когнитивные функции, в том числе – применительно к тематическому комплексу «язык – глобализация». И «потоки», и воздействия «лучевого» и «опоясывающего» характера – все это не может быть понято вне коммуникативного контекста, вне использования посредничающих языков и, наконец, вне дискурсивного оформления, в рамках которого задаются те или иные смыслы взаимодействия и взаимозависимости в миро-политических масштабах.

Приведенные аналитические установки обладают существенным потенциалом для успешного разрешения многих задач, связанных с исследованием перемен в российском общественно-политическом языке в последние два-три десятилетия. Что, собственно, происходит с русским языком в его политическом применении под воздействием факторов глобализации?

Наиболее зримые изменения в рассматриваемой сфере, несомненно, затрагивают, прежде всего, лексический строй языка российской политики, подвергшийся лавинообразному притоку заимствований (преимущественно, разумеется, англоязычных), тому, что можно расценивать как непрекращающуюся вербальную интервенцию. Эти процессы уже на протяжении многих лет изучаются в отечественном языкознании, в том числе – в рамках относительно молодого научного направления в лице политической лингвистики и иных междисциплинарных исследовательских начинаний [19].

В научных публикациях тематического круга «язык – политика – глобализация», широко обсуждаемых в сообществе лингвистов и склонных к междисциплинарным подходам исследователей, достаточно отчетливо выделяются несколько принципиальных путей теоретизирования.

Во-первых, в контексте традиционно понимаемой социологии языка, дву- и многоязычия анализируются социолингвистические ситуации на глобальном, макро-региональном, трансграничном, национальном и локальном уровнях. Здесь моделируются способы взаимодействия элементов – чаще всего, конкурентные, и реже кооперативные – в «глобальных языковых системах», как это делается, например, в «политической социологии языка» Де Сваана [28]. По-видимому здесь была бы вполне уместна аналогия с парадигмой политического реализма в международно-политических исследованиях. Соотношение языков на глобальной сцене или в региональной масштабах рассматривается с точки зрения их мощности, притязаний на статус *lingua franca*, пространственных и демографических параметров распространения за пределами своих «метрополий».

Во-вторых, это – активно разрабатываемые в рамках лингво-экологической мотивации концепции «лингвистического империализма и нео-империализма». Экспансия языков широкого международного использования (главным, разумеется, образом – английского, «языка-киллера»), в том числе, в качестве не только первого из предпочитаемых иностранных языков, но средств обучения, интерпретируется как «лингвицид» и главная угроза мировому языковому разнообразию. Концептуальная логика Т. Скотнабб-Кангас и Р. Филлипсона строится в виде линии преемственности: колониализм – лингвистический (нео)империализм – корпоративная глобализация. Если «империалистическая глобализация» строилась на военном доминировании, то «корпоративная глобализация» квалифицируется как более изощренный инструмент гегемонии. Наряду со многими характеристиками, ассоциирующимися с неолиберальным экономическим курсом, эта версия глобального господства ведет к культурно-языковой гомогенизации, к приватизации и «коммодификации» государственных услуг. Английский язык как «*лингва франка*» (или, по словам этих авторов, – «*лингва экономика*», «*лингва эмотива*» в случае с Голливудом, «*лингва академика*», «*лингва*

беллика) в милитаристском смысле, и даже – «лингва франкенштейна») вовлекает современный мир в «понятийную вселенную» американизированного бизнеса, становясь при этом доминирующим капиталистическим языком [27].

В-третьих, модель критической социолингвистики глобализации исходит из того, что последняя вовлекает в свои орбиты не системно целостные «идиоэтнические» языки, но их элементы и отдельные языковые явления. Языки в виде лингвистически определяемых объектов со своими обозначенными пределами, названиями, языки в качестве исчислимых отдельных образований, часто сводящиеся к лексическим и грамматическим структурам, взятые вне времени и пространства, – это предмет для исследования в парадигме «социолингвистики распространения». Альтернативное решение – «социолингвистика мобильности» – оперирует показателями языковых (точнее – речевых) ресурсов, их доступностью и соответственно коррелятами в плане власти и неравенства [20]. Путешествуют в пространстве, таким образом, не столько сами языки, сколько их «фрагменты» или языковые «продукты».

В-четвертых, дискурсивная концепция языка и глобализации основана на подходе, согласно которому посредством современных медиа и коммуникационных технологий, как пишет Н. Фэркло, образуются потоки образов, репрезентаций, нарративов и дискурсов. Глобализация, с его точки зрения отчасти представляет собой дискурсивный процесс, а дискурсы порождают конструирующие эффекты по отношению к материальным переменам, которые ассоциируются с глобализацией [23].

Таким образом, трансграничные «потоки» глобализации применительно к языковым явлениям вовлекают в свои русла и так называемые национальные («идиоэтнические») языки, становящиеся международными, и отдельные их элементы, свойства и структурные образования – лексику, способы номинации, дискурсы, а также (заметим попутно) интонации, акценты, манеры речи... Вместе с тем, что особенно насыщено применительно к связанному с политикой, подсистемам языка это еще и «потоки» дискурсивных стилей.

Интересы дальнейшего изложения в предлагаемой статье требуют некоторых уточняющих моментов.

Какие, прежде всего, языковые феномены и их элементы образуют «потоки», с которыми ассоциируется глобализация в случае с языковыми процессами в современной России в целом и, в преломлении к речевым характеристикам политической коммуникации, в частности? В самых зримых проявлениях – это лексические нововведения, восприятие все новых и новых слов, которые, кстати, не всегда получают органичный семантический статус, не всегда реально становятся терминами в строгом смысле. Языковедение в лице своих самых признанных специалистов в наши дни, как и в прошлом, говоря об изменениях лексического порядка, воздерживается от заранее предрешенных оценочных выводов. Лексика русского языка, - подчеркивает В.М. Алпатов, – «вообще всегда наиболее проницаема для влияния на язык социальных процессов», продолжая цитатой из работы Е.Д. Поливанова (1928 г.): «Отнюдь не фонетика, а словарь, и только словарь, делает современный язык ... непонятным для обывателя с языковым мышлением 1910–1916 годов» [1]. Удельный вес заимствований сам по себе не является свидетельством перехода с одного средства общения на другое, замещения одного языка другим. В то же время, достаточно глубокие модификации постигают, как будет показано в дальнейшем, также и другие стороны языковой реальности, например, стилистические характеристики политического языка – это вторичной подсистемы, своего рода социального субкода в рамках общей языковой системы.

Далее, языковые модификации в сфере российской политики под воздействием глобализации обладают своей содержательной спецификой как по своим масштабам и глубине, так и по своей природе. Это приобретает довольно явные выражения в сравнении с аналогичными процессами применительно, скажем, к таким реалиям, как бизнес, коммерция, финансы, потребительский рынок, досуг, спорт, массовая культура. В одних областях социальной практики языковые изменения носят в большей степени

системный и институциональный характер. В других – затрагивают, скорее, внешние формы, происходят в режиме симуляции и имитирующего воспроизводства образов, которые наделяются престижным статусом. Если формулировать в самом сжатом виде, то есть вещи (точнее – смысловые комплексы) которые воплощены в структуры дискурса, будучи недоступными для сугубо вербальных подражаний. Таковы, к примеру, отношения собственности и их правовые режимы. Напротив, отношения власти и подчинения, обладая особым институциональным устройством, в ситуациях социально-исторической переходности отнюдь не всегда получают адекватное и бесспорное выражение. Здесь наличие слов и даже их изобилие часто еще предполагает соответствующего присутствия дискурсов. В политике эти смысловые комплексы сравнительно легче поддаются подражательной стилизации в духе глобальности. В случае с экономикой, повторимся, этого не всегда удается достигнуть с желаемым успехом.

Таким образом, при рассмотрении перемен, происходящих в языке российской политики под воздействием всего, что с различной мерой условности можно назвать «глобализацией», актуальное звучание приобретают аспекты дискурсивного стиля и, соответственно, дискурсивной стилизации.

В свете укорененной академической традиции русского (советского) языкознания, связанной с исследованием функциональных стилей, соответствующая таксономия включает исторически сложившуюся систему речевых средств – стилей: 1) научный (научно-технический); 2) публицистический (газетно-публицистический, политический); 3) официально-деловой; 4) разговорный (обиходно-разговорный); 5) художественный (беллетристический); 6) религиозный [11].

В несколько иной редакции эта таксономия предполагает также стили, идентифицируемые как: 1) обиходно-литературный; 2) газетно-политический; 3) производственно-технический.

Уместно заметить, что речевые средства, используемые в сфере политики, иногда причислялись к разряду публицистического стили, иногда – официально-делового стили.

В современной научной литературе, посвященной стилистическим характеристикам речи, отмечается, что общепринятая с советских времен классификация функциональных стилей отражала систему жестко соблюдаемой кодификации, систему властных санкций и цензурных регламентаций [18]. Ситуация в наши дни с очевидностью не уместается в жесткие рамки этих классифицирующих категорий.

В условиях советского плано-централизованного хозяйствования, вероятно, были свои основания говорить об официально-деловом функциональном стили как о чем-то внутренне едином. Существовавший идеологический порядок не допускал каких-то публичных проявлений лексико-семантической многоукладности ни в экономических, ни во властных («партийно-советских»), ни в социальных (классовых) контекстах. Стилистические нюансировки, разумеется, существовали всегда, характеризуют ситуативные особенности или языковые «вкусы» разных исторических фазисов, разных общественных слоев или профессиональных групп. Официальность и неофициальность в коммуникации естественно контрастировали, пребывая при этом на разных горизонтах публичного пространства. В сегодняшних условиях языкового функционирования официальная и деловая стилистические формации обладают каждая своей собственной социальной, когнитивной и прагматической природой, не образуя чего-то единого. Эти стилистические образования не обладают единными легитимирующими принципами, общей нормативностью. Более того, положение дел здесь таково, что эти стилистические явления, похоже, поменялись своими иерархическими позициями. Сегодня уже не специалисты-хозяйственники и производственники пользуются идеологизированным канцеляритом партийно-советских функционеров. Наоборот, профессионалы политико-административной сферы (где, кстати говоря, государственные служащие, депутаты или партийные «штабисты») демонстрируют практически полное сходство в риторическом поведении) все больше стремятся высказываться в стилистике бизнеса, на офисном сленге. Тенденции глобального характера создают ситуацию, когда, как отмечают

специалисты, «можно говорить о специфической лингво-экономической субкультуре, формирующей свое лингво-коммуникативное пространство», а «социо-культурная группа менеджмента представляется *ведущей*, формирующей определенные установки не только в поведенческой, но и в языковой среде» [12]. То, что раньше квалифицировалось в качестве делового функционального стиля, приобретает черты престижной модели социально-лингвистического самовыражения, модели, задающей стандарты речевого вкуса времени.

Оценочные реакции на менеджерскую, корпоративную, экспертно-аудиторскую манеру изъясняться, захватывающую в наши дни все новые и новые области распространения (включая не только административно-управленческую, но также и политическую) поляризованы.

С академического угла зрения лингвистические «трансплантации» анализируются с позиций их объективной обусловленности в контексте динамики социально-профессиональной деятельности в постоянно обновляемой среде. Так, О.В. Иншаков и Д.П. Фролов предлагают свою схематику постоянно обновляющихся специальных институциональных языков, используемых различными стратами агентов: менеджеры высшего звена обновляют используемый институциональный словарный запас не реже, чем раз в 2,5 года (уровень менеджерской компетенции); исследователи должны дополнять свой лексикон раз в 1,5 года (уровень исследовательских компетенций); лидеры институциональных отношений (уровень лидерских компетенций), «от которых зависят их модернизация и трансформация, «производят» и усваивают новые институциональные термины *каждые полгода* (выделено – Н.М.). ... «Кто не успевает – тот теряет институциональные компетенции не то только в языке, но и во всех компонентах своей деятельности» [8]. Такая динамика, вероятно, уместна в определенных технологических секторах управленческой практики. Однако транслирование этих принципов в сферу публичной политики очевидным образом чревато разрушением коммуникативного пространства любых политических систем.

На другом – публицистическом – фланге преобладают эмоциональные реакции неприятия «языка менеджеров». «В бизнес-школах учат общаться на особом жаргоне, главная цель которого – помочь консультанту по управлению в продаже своих услуг. ... Раньше по MBA-жаргону узнавали друг друга выпускники бизнес-школ. Теперь им владеют госчиновники, выпускники негосударственных вузов, стартаперы, сбегающие на презентации для инвесторов с уроков алгебры, – про те же самые бизнес-процессы легко можно услышать на собеседовании от кандидата, который не может сходу извлечь квадратный корень из ста», – пишет, например, Л. Бершидский [2].

Таким образом, применимость прежних принципов классификации функциональных стилей для анализа языка современной российской политики оказывается под сомнением. В меняющейся коммуникативной среде уместнее, как предлагает Г.Г. Хазагеров, перейти от рассмотрения функциональных вариантов стилистики к иным ракурсам – к дискурсивным стилям. Функциональность может пониматься в двух планах. С одной стороны, применительно к оси интенции («я» – «ты») или ближней прагматике, с другой стороны, – к оси конвенции или («я» – «мы») или дальней прагматике. В первом случае предполагаются намерения говорящего, его коммуникативные интересы, связанные с достижением успеха в рамках единичных актов высказывания. Во втором случае преследуются более широкие интересы, которые связаны с воспроизводством и поддержанием коммуникации в масштабах всей макро-социальной среды. «Система дискурсивных стилей отражает групповые интересы, а не заданный «свыше» стилистический декорум. Сама номенклатура таких стилей должна бы отражать, чего нет, к сожалению, в современной русистике, структуру общества. Сколько существует устойчивых групп, порождающих устойчивые дискурсы, столько дискурсивных стилей и должно быть в наличии» [17].

Соотнесение двух способов концептуализации стилистических параметров речи, опирающееся на теоретические суждения, сформулированные в новейших публика-

циях отечественных лингвистов, может быть суммировано (сугубо, разумеется, в предварительном приближении) в виде таблицы [10, 13, 15, 16, 18].

Таблица

	Функциональная стилистика	Дискурсивная стилистика
Анализ	лингвистический	операциональный
Парадигма	система	коммуникация
Традиция	российско-чешская	англо-саксонская
Онтология	– форма общественного сознания – сфера (подсистема) общества	– формация (социально-историческая практика) – гомеостаз (сообщество)
Типология	– таксономия – инвариант – стратификация	множественная вариативность
Принцип	нормативность	произвольность, коммуникативный комфорт
Средства	выбор из закрытого списка	прием
Субъект	языковая личность	языковой коллектив

Обе теоретико-методологические перспективы – различающиеся способы членения общей системы речевых средств и ее подсистем (в том числе речевых средств, используемых в языке политики) – обладают отчетливой предметностью и, следовательно, продуктивными аналитическими установками. В этом смысле дискурсивная стилистика как предлагаемое суб-дисциплинарное направление открывает новые эвристические перспективы исследования языка в его политическом функционировании, включая процедуры типологической идентификации коммуникативно-речевых укладов, социолектов, групповых субкодов. «Система дискурсивных стилей отражает групповые интересы, а не заданный «свыше» стилистический декорум, – пишет в связи с этим Г.Г. Хазагеров. – Сама номенклатура таких стилей должна бы отражать, чего нет, к сожалению, в современной русистике, структуру общества. Сколько существует устойчивых групп, порождающих устойчивые дискурсы, столько дискурсивных стилей и должно быть в наличии» [17]. Такая установка обладает своими очевидными преимуществами как в сравнении жесткими нормативными рамками функциональной стилистики с ее ограниченным набором классифицирующих категорий, так и – с собственно дискурсивным анализом, который предоставляет мало возможностей для построения удовлетворительных типологий.

Социальное картографирование дискурсивных стилей, представленных в российской политико-языковой реальности нашего времени, образует междисциплинарную исследовательскую перспективу, связанную с весьма объемными эвристическими задачами и процедурами. На этом пути еще только предстоит отыскать способы построения системы координат, по которым можно было бы уверенно ориентироваться в структурировании и номинациях отечественной политической субъектности, в групповых предпочтениях, в идеологическом ландшафте.

Применительно к проблематике воздействия глобализации на язык политики, к тому, что П. Бурдьё и Л. Волкан называли «планетарной вульгатой» часто приходится ограничиваться не столько научным инструментарием политической лингвистики, сколько метафорами из области публицистики [21]. Есть, вероятно, немалый смысл в том, чтобы исследовать специфический дискурсивный стиль «политического» и «образованного» класса в терминах западничества и европейского выбора в противоположность дискурсам охранительства, почвенничества, многообразным оттенкам национализма. Точно также можно обратиться к стилистике «глобалов», которые «живут в самолетах, покупают месторождения по всему миру, следят за мировой экономической дискуссией, прекрасно понимают, как реструктурируются бизнесы и производства (без

всякого «сталинского менеджмента») [14]. Вместе с тем, еще не прибегая к детальной систематизации российских политических социолектов или специфических языковых субкодов, можно предпринять попытку выявления доминирующих дискурсивных стилей, демонстрирующих притязание на центральное положение и системообразующую роль в общем коммуникативном пространстве социума. Своего рода программ-минимум здесь может включать прояснение того, как соотносятся друг с другом наиболее влиятельные дискурсивно-стилистические «уклады», борющиеся за лидерство в масс-медиа и в политико-управленческих ритуалах.

В этом отношении полезным выглядит опыт концептуализации, предпринятый в контексте критического дискурсивного анализа в междисциплинарном взаимодействии с социологией капитализма Евой Чиापелло и Норманом Фэркло. Эти авторы строят свой стадийный анализ идеологических оснований «духа капитализма» различных эпох сквозь призму дискурсивных «порядков» – особым образом конфигурированных дискурсов, жанров (способов действия) и стилей (образов идентичности). Для XIX столетия или первого «духа капитализма» характерны «буржуазный» тип накопления, семейные фирмы, прогрессистский тип стимулирования, рыночной честности, персонифицированной собственности. Второму «духу капитализма» (1940–1970) соответствуют свои характеристики. Это – большие индустриальные компании и массовое производство, государственная экономическая политика, эффективность и карьерные возможности, ценности меритократии, менеджмент целей, долгосрочное планирование, принципы всеобщего благоденствия. Третья фаза, начавшаяся с 1980-х гг., это – сетевые фирмы, Интернет и биотех, глобальные финансы, инновационность и креативность, перманентные изменения, мобильность и адаптивность. Каждому фазису свойственны определенные комбинации «легитимирующих порядков», складывающейся «грамматики» дискурсов, жанров и стилей, артикулирующих способы воодушевления, иерархий и цепей персональной взаимозависимости, а также гражданских, рыночных, индустриальных семантических структур. Исследуя прецедентные тексты, написанные «гуру» от менеджмента, эти исследователи проводят контрастивный анализ дискурсивного стиля индустриального типа (деятельность означает «работу» и позицию, гарантирующую жалование) с новейшей стилистикой. Теперь это «проектно-ориентированный» порядок дискурса или способ легитимации. Здесь главное не работа или прибыль. Жизнь мыслится как серия проектов, чем больше они отличаются друг от друга, тем они ценнее. Важно всегда быть в проекте и никогда не быть вне его. Конституируются свои дискурсивные стили, разнообразие жанров, прежде всего – новая менеджерская «грамматика». В своем изложении эти авторы стилизуют язык стратегического менеджмента, отмечая, что «гуру», изначально ассоциировавшиеся с религией, начинают теперь отождествляться с менеджментом, преодолевая «разрывы» (“gaps”) между религией, с одной стороны, и харизматическим лидерством в политике, включая революционную политику, с другой стороны [22]. Менеджерский дискурсивный стиль предлагает новый набор символических персонажей. Высокопоставленный статус теперь ассоциируется не с авторитарным «шефом» в жесткой иерархической системе, но с лидером - «мастером» перемен в окружении «команды». На ведущие позиции выдвигаются фигуры, символически презентуемые в качестве “приводящих в движение”, лидеров, “скаутов идей”, инноваторов, “продюсеров-директоров” [22]. К разряду символических фигур политики, понимаемой по-менеджерски, относятся, по мнению П. Бурдые и Л. Вокан, «эксперты из теневых коридоров министерств и корпоративных штаб-квартир», оперирующие техническими, экономико-математическими языками для оправдания политического выбора в иных (не технических) областях. Второй категорией в этом ряду выступают «консультанты по коммуникациям» – «перебегчики» из академической среды, ответственные за декорирование политических проектов [21]. Иногда также наряду с глобальными элитами рассматриваются их локальные проводники – «семиотические работники» [24].

Несколько утрированно воспроизводят эту логику исследователи из Словении, когда пишут о том, что глобализация превращает менеджериализм в мега-дискурс и мета-дискурс, позволяющие высказываться обо всем, что угодно, и покрывающие все мыслимые темы, – в «чистый» язык, превосходящий идеологию. Особенностью функционирования такого дискурсивного стиля в обществах постсоветского типа, как считают эти авторы, становится «символическое пространство», в котором язык менеджмента в своем «демонизме» и авторитарности никогда не бывает нейтральным. Былое волшебство слова «Рабочий» замещается столь же волшебным словом «Менеджер» [25].

Подводя некоторые итоги сказанному, можно предложить – сугубо предварительно – ряд итоговых выводов.

Во-первых, веяния глобализации применительно к лингво-политическим процессам и отношениям не предрежены раз и навсегда и имеют противоречивую природу. Отражая коммуникативные потребности, они в то же время вступают в диссонанс с символическими функциями языка – и в «идиозническом» смысле, и в плане официальной (политической и административной) подсистем. Чрезмерное пришествие семантических средств зарубежного происхождения или их иных (псевдо-академических, технико-экономических, организационных) тематических сегментов будет, вероятно, вызывать культурное сопротивление и отторжение со стороны недоумевающего общества.

Во-вторых, революционные лексические новации, как правило, служат дискредитации старого символического и лингвистического порядка, когда прежняя благопристойность сменяется риторикой спонтанности [6]. Вопрос о том, что становится объектом символического вытеснения в наступившем столетии, спустя десятилетия после расставания со «старым порядком», остается открытым, в том числе – в смысле действительности и необратимости.

В-третьих, символическая функция менеджерского дискурсивного стиля в современной политике – как в России, так и на Западе, – состоит в конструировании новых идеологических образов политического. Символическая организационная рационализация, построенная на принципах и ценностях эффективности, на корпоративных методах, в своих универсалистских амбициях несет с собой угрозы новых форм отчуждения. В культурно-стилистических же аспектах менеджериализм уже становится источником общественного раздражения и – что внушает определенный оптимизм – объектом высмеивания, включая мета-лингвистической самоиронии и пародийного изживания.

Список литературы

1. Алпатов В. М. Что угрожает русскому языку? / В. М. Алпатов; под ред. Е. П. Чельшпева // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ И Балтии . – Москва : Азбуковник, 2010. – С. 202–211.
2. Бершидский Л. Птичий язык: что скрывают красивые слова нового менеджмента / Л. Бершидский // Газеты.ру. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/print/node/235307>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата посещения: 21.10.2013).
3. Богатуров А. Д. Глобализация как «синдром поглощения» в международной политике / А. Д. Богатуров // Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. – Москва : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. – С. 335–355.
4. Гранин Ю. «Глобализация» или «вестернизация»? О нелинейности исторических форм объединения человечества / Ю. Гранин // Свободная мысль. – 2013. – № 1. – С. 51–64.
5. Дерлугян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы / Г. Дерлугян. – Москва : Институт Гайдара, 2013. – С. 19–20.
6. Живов В. М. Язык и революция. Размышления над старой книгой А. М. Селищева / В. М. Живов // Philology.ru. Русский филологический портал. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/zhivov-05.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 21.02.2012 г.).
7. Ильин М. В. Вопросы глобализации и равенства в российской политологии / М. В. Ильин // Российская наука международных отношений: новые направления. – Москва : ПЭР СЭ, 2005. – С. 203–228.
8. Иншаков О. В. Лингвистика институциональной экономики / О. В. Иншаков, Д. П. Фролов. – Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2010. – С. 58.

9. Кирилина А. В. Глобализация в аспекте лингвистики / А. В. Кирилина, Е. С. Гриценко, А. О. Лалетина // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 1 (15). – С. 18–37.
10. Клупина Н. И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике / Н. И. Клупина // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2012. – Вып. 9. – С. 25–33.
11. Кожина М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – Москва : ФЛИНТА: Наука, 2008. – 464 с.
12. Куприна Т. В. Многофакторный билингвизм в межкультурной интеграционной среде / Т. В. Куприна, С. М. Минасян. – Режим доступа: www.rurik.se/UserFiles/File/Svetlana2012.doc, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата посещения: 11.09.2013).
13. Менджерицкая Е. О. Дискурс VS функциональный стиль: что есть язык СМИ? / Е. О. Менджерицкая // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. – 2011. – Вып. 54, № 13. – С. 99–102.
14. Морозов А. Язык террора. Сталинизм и новая гражданская нация в России (читая Гасана Гусейнова) / А. Морозов // Slon.ru. – Режим доступа: slon.ru/Russia/yazyk_terrora-201277.xhtml, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата посещения: 01.12.2009).
15. Орлова О. В. Проблема соотношения понятий стиля и дискурса в лингвистике начала XXI в. В контексте идей М. Н. Кожиной / О. В. Орлова // Вестник Томского государственного университета. Серия Филология. – 2013. – № 4 (24). – С. 19–25.
16. Хазагеров Г. Г. Дискурс и гомеостаз / Г. Г. Хазагеров. – Режим доступа: <http://www.hazager.ru/styles/139-duo.html?tmpl=component&print=defaul...>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения 10.02.2014).
17. Хазагеров Г. Г. Ось интенции и ось конвенции: к поискам новой функциональности в лингвокультурологических исследованиях / Г. Г. Хазагеров // Социологический журнал. – 2006. – № 1/2. – С. 40–62.
18. Хазагеров Г. Г. Риторика vs. стилистика: семиотический и институциональный аспекты / Г. Г. Хазагеров // Социологический журнал. – 2008. – № 3. – С. 30–44.
19. Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении / В. Н. Шапошников. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 280 с.
20. Blommaert J. Sociolinguistics of Globalization / J. Blommaert. – Cambridge : Cambridge University Press Publ., 2010. – Pp. 12.
21. Bourdieu P. NewLiberalSpeak: Notes on the New Planetary Vulgate / P. Bourdieu, L. Wacquant // Radical Philosophy. – 2001. – January/February. – No. 105. – Pp. 2–5.
22. Chiapello E. Understanding the new management ideology: a transdisciplinary contribution from critical discourse analysis and new sociology of capitalism / E. Chiapello, N. Fairclough // Discourse & Society. – 2002. – Vol. 13 (2). – Pp. 185–208.
23. Fairclough N. Language and Globalization / N. Fairclough. – New York : Routledge, 2007. – Pp. 11.
24. Jacquement M. Transideomatic practices: Language and power in the age of globalization / M. Jacquement // Language & Communication. – 2005. – No. 25. – Pp. 257–277. – Available at: www.elsevier.com/locate/langcom.
25. Kuzmanić T. A. Managerial discourse as an aspect of globalization: from self-management to management / T. A. Kuzmanić, S. Sedmac, B. Kobeja. – Available at: www.fm-kp.si/zalozba/ISBN/961-6573-03-9/kuzmanic.pdf.
26. Skutnabb-Kangas T. Language Policy and Linguistic Human Rights / T. Skutnabb-Kangas ; Ricento T. (ed.) // An Introduction to Language Policy. – Oxford : Blackwell Publishing, 2006. – Pp. 273–291.
27. Skutnabb-Kangas T. The Global Politics of Language: Markets, Maintenance, Marginalization, or Murder? / T. Skutnabb-Kangas, R. Phillipson ; Coupland N. (ed.) // The Handbook of Language and Globalization. – Oxford, Malden : WILEY-BLACKWELL, 2010. – Pp. 77–100.
28. Swaan de A. Words of the World / A. de Swaan. – Oxford : Blackwell Publishers, 2001. – 247 p.

References

1. Alpatov V. M. Chto ugrozhaet russkomu yazyku? [What threatens the Russian language?]. *Reshenie natsionalno-yazykovykh voprosov v sovremennom mire. Strany SNG I Baltii* [The decision of the national language issues in the modern world. CIS and Baltic States], Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, pp. 202–211.
2. Bershidskiy L. Ptichiy yazyk: chto skryvayut krasivye slova novogo menedzhmenta [Avian language: beautiful words that hide the new management]. *Gazety.ru* [Gazety.ru]. Available at: <http://www.forbes.ru/print/node/235307> (accessed: 21.10.2013).

3. Bogaturov A. D. Globalizatsiya kak «sindrom pogloshcheniya» v mezhdunarodnoy politike [Globalization as a "syndrome of absorption" in international politics]. *Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otosheniy* [Essays on the theory and methodology of political analysis of international relations], Moscow, Nauchno-obrazovatelnyy forum po mezhdunarodnum otosheniyam publ., 2002, pp. 335–355.
4. Granin Yu. «Globalizatsiya» ili «vesternizatsiya»? O nelineynosti istoricheskikh form obedineniya chelovechestva ["Globalization" or "Westernization"? On the nonlinearity of the historical forms of the unification of mankind]. *Svobodnaya mysl* [Free Thought], 2013, no. 1, pp. 51–64.
5. Derlugyan G. *Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosotsiologicheskie temy* [How this world. Outline macrosociological threads], Moscow, Institute of Gaydar Publ. House, 2013, pp. 19–20.
6. Zhivov V. M. Yazyk i revolyutsiya. Razmyshleniya nad staroy knigoy A. M. Selishcheva [Language and Revolution. Reflections on an old book A. M. Selischeva]. *Philology.ru. Russkiy filologicheskii portal* [Philology.ru. Russian Philology Portal]. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/zhivov-05.htm>. (accessed: 21.02.2012 g.)
7. Ilin M. V. Voprosy globalizatsii i ravenstva v rossiyskoy politologii [Globalization and equality in Russian Politics]. *Rossiyskaya nauka mezhdunarodnykh otosheniy: novye napravleniya* [Russian Science International Relations: New Directions], Moscow, PER SE Publ., 2005, pp. 203–228.
8. Inshakov O. V. *Lingvistika institucionalnoy ekonomiki* [Linguistics institutional economics], Volgograd, Volgograd State University Publ. House, 2010, pp. 58.
9. Kirilina A. V., Gritsenko Ye. S., Laletina A. O. Globalizatsiya v aspekte lingvistiki [Globalization in the aspect of linguistics]. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of Psycholinguistics], 2012, no. 1 (15), pp. 18–37.
10. Klushina N. I. Ot stilya k diskursu: novyy povorot v lingvistike [From style to discourse: a new twist in linguistics]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsialnaya sreda* [Language, Communication and Social Environment], 2002, issue 9, pp. 25–33.
11. Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskiy V. A. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ., 2008. 464 p.
12. Kuprina T. V., Minasyan S. M. *Mnogofaktornyy bilingvizm v mezhkulturnoy integratsionnoy srede* [Multivariate bilingualism in intercultural integration environment]. Available at: www.rurik.se/UserFiles/File/Svetlana2012.doc (accessed: 11.09.2013).
13. Mendzheritskaya Ye. O. Diskurs VS funktsionalnyy stil: chto est yazyk SMI? [VS functional style of discourse: that is the language of the media?]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya. Iskustvoznaniye* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series Philology. Arts], 2011, issue 54, no. 13, pp. 99–102.
14. Morozov A. Yazyk terrora. Stalinizm i novaya grazhdanskaya natsiya v Rossii (chitaya Gasana Guseynova) [Language terror. Stalinism and the new civic nation in Russian (reading Hasan Huseynov)]. *Slon.ru* [Slon.ru]. Available at: slon.ru/Russia/yazyk_terrora-201277.xhtml (accessed: 01.12.2009).
15. Orlova O. V. Problema sootnosheniya ponyatiy stilya i diskursa v lingvistike nachala XXI v. V kontekste idey M. N. Kozhinoy [The problem of relationship between the concepts of style and discourse linguistics beginning of XXI century. In the context of ideas M. N. Kozhina]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Series Philology], 2013, no. 4 (24), pp. 19–25.
16. Khazagerov G. G. *Diskurs i gomeostaz* [Discourse and homeostasis]. Available at: <http://www.hazager.ru/styles/139-duo.html?tmpl=component&print=defaul...> (accessed: 10.02.2014)
17. Khazagerov G. G. Os intentsii i os konventsii: k poiskam novoy funktsionalnosti v lingvokulturologicheskikh issledovaniyakh [Axis and the axis convention intentions: the search for new functionality in lingvokulturologicheskikh studies]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2006, no. 1/2, pp. 40–62.
18. Khazagerov G. G. Ritorika vs. stilistika: semioticheskiy i institucionalnyy aspekty [Rhetoric vs. stylistics: semiotic and institutional aspects]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2008, no. 3, pp. 30–44.
19. Shaposhnikov V. N. *Russkaya rech 1990-kh: Sovremennaya Rossiya v yazykovom otobrazhenii* [Russian speech 1990: Contemporary Russia in the language mapping], Moscow, Knizhnyy dom "LIBROKOM" Publ., 2010. 280 p.
20. Blommaert J. *Sociolinguistics of Globalization*, Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2010, pp. 12.
21. Bourdieu P., Wacquant L. NewLiberalSpeak: Notes on the New Planetary Vulgate. *Radical Philosophy*, 2001, January/February, no. 105, pp. 2–5.

